

УДК 327.323.31(47)“1917/1919”

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-157-167

ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ, 1917–1919 ГОДЫ

Г. Ю. Альберт

Университет Цюриха, Rämistrasse 71, 8006, Zürich, Switzerland
gleb.albert@uzh.ch

А. В. Резник

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, Мясницкая ул., 20
areznik@hse.ru

Основание Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в Москве в марте 1919 г., а также его первые годы существования, были преимущественно исследованы в фокусе политической и институциональной истории. Рождение Коминтерна и роль в этом большевиков служит стартовой точкой истории «большевизации» международного коммунистического движения, рассматриваемой в качестве инструмента внешней политики Кремля. В этой статье мы предлагаем другой исследовательский подход к периоду формирования Третьего Интернационала. Опираясь преимущественно на такие источники, как дневники, приветственные телеграммы и прессу, мы предпринимаем попытку реконструировать воздействие Коминтерна на его принимающую страну, Советскую Россию, и на ее общество, в особенности на те социальные группы, которые положительно относились к идеям интернационализма и мировой революции. Дискурс «Третьего Интернационала» был старше 1919 г., и он имел значение не только в качестве идеологического инструмента в верхушечном агитпропе – рядовые активисты, начиная с периода Февральской революции, не только откликались на лозунги большевиков, но вносили индивидуальные смыслы в этот неясный термин. Основание Коминтерна большевиками были не просто нацелено на международное революционное движение – оно также было важным символическим жестом в сторону их сторонников внутри страны. Образ Коминтерна зачастую мог рисоваться в качестве одного из центральных сакральных символов революции. Обращаясь к дискурсу большевиков о мировой революции и интернационале, можно увидеть становление публичного политического языка, и соответствующих практик коммуникации, в раннем советском обществе.

Ключевые слова: интернационализм, Коммунистический интернационал, Российская революция, большевизм, В.И. Ленин, политическая коммуникация.

В известном сборнике рассказов Исаака Бабеля «Конармия» есть примечательный пассаж из быта жителей прифронтовой полосы во время советской-польской войны: «На столбах висели объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет вечером доклад о Втором конгрессе Коминтерна. Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой»¹. Идеология и быт, локальное насилие и мировая революция переплетаются не только на страницах художественных произведений, но и в раннесоветской повседневной жизни [Albert, 2017; Velikanova, 2013, Харин, 2000]. Это касается не только общих идей международной солидарности, мировой революции и других, но и организации, призванной реализовать эти принципы на практике, – Коммунистического интернационала (Коминтерна).

В ходе изучения истории Российской революции и Гражданской войны традиционно возникает вопрос о причинах удержания большевиками власти. Это один из аспектов проблемы складывания большевизма как новой политической силы и политического движения на обломках империи и мировой державы – движения, поставившего целью революционное ниспровержение мирового империализма и находившегося подчас в окружении сторонников старого порядка («белых»), а также ведущего перманентную войну с большинством крестьянства и не-

большевистскими социалистами. В таких условиях был учрежден Коммунистический интернационал. Это событие сложно расценивать иначе, как важную политическую победу большевиков как в контексте демонстрации прочности их власти во внутренней перспективе, так и в контексте мирового революционного движения. Однако этим учреждением Коминтерна не исчерпывается.

Историография Коминтерна посвящена в основном его организации и влиянию на международное коммунистическое движение [Байерляйн, 2011; Ватлин, 2009; Фирсов, 2007; Чубарьян, 2002; Broué, 1997; McDermott, Agnew, 1996]. То же самое можно сказать о публикуемых источниках по истории Коминтерна [Драбкин, 1998; Адиебеков, 2004]. В более новых исследованиях Коминтерн и его устройство рассматриваются с позиции истории повседневности, эмоций и гендера [Studer, 2015]. В то же время очень мало написано о том, как Коминтерн представлялся и воспринимался в раннесоветском обществе [Albert, 2011, 2015; Мухаматуллин, 2013]. Почему большевикам было важно позиционировать Коминтерн – организацию, нацеленную на действия за границей, – внутри страны, и как они это делали? Какой отклик они получали? И чего ожидали рядовые граждане, в первую очередь рядовые большевики, от Коминтерна?

Современные историографы раннесоветского общества, особенно делающие акцент на насилие и репрессии как определяющие аспекты власти большевиков, отодвигают вопросы идеологии и ее общественного восприятия на задний план [Баберовски, 2007; Булдаков, 2010]. Опираясь на такие источники, как дневники, письма во власть и материалы прессы, мы можем констатировать, что вопрос мировой революции присутствовал не только в массовой пропаганде и агитации, но и в повседневном политическом дискурсе, а также – и особенно – в жизненном мире рядовых сторонников советской власти.

Цель статьи – выявить дискурсивные практики, связанные с Коммунистическим интернационалом, как элемент политической коммуникации в советском пространстве времени Российской революции и Гражданской войны. Для этого предпринимается попытка анализа взаимовлияния советской массовой печати и приветственных телеграмм и резолюций, дополненного анализом дневников и других эго-документов. Мы задаемся вопросами: Какое место занимал образ Коминтерна в политическом воображении? В ряду каких символических элементов советской политики он мыслился? При этом основное внимание будет сосредоточено на событиях 1919 г., обозначившие пик активизации сторонников идеи мировой революции.

Путь к Третьему интернационалу

При просмотре дневников и сходных личных документов рядовых сторонников советской власти, относящихся к марту 1919 г., бросается в глаза, что учредительному конгрессу Коминтерна уделяется большое внимание, хотя на самом деле это было маленькое, почти конспиративное собрание случайных активистов, в большинстве своем не имеющих мандата партий своих стран [Hedeler, Vatlin, 2008, S. 1–8.]. И это не просто результат пропаганды советской печати. Активисты из разных частей страны напряженно следили за событиями в Москве и жадно впитывали всю информацию о только что учрежденном Третьем интернационале. В эти дни будущий маршал СССР Филипп Голиков, тогда молодой провинциальный партийный активист, отмечает в своем дневнике, что он и его товарищи часто дискутируют о новой организации и читают все, что об этом попадает в газеты [Голиков, 1959, с. 162–163]. Иосиф Голубев, другой низовой активист, пишет в своем дневнике о том, как местный совет в белорусской глубинке 12 марта дискутировал с четырех до семи часов дня о резолюции «по вопросу 3-го Интернационала», каковая была «полностью» принята, несмотря на «некоторые разногласия» [Голубев, 2002, с. 207–208]. Провинциальный совет не только нашел время обсуждать тему Коминтерна на протяжении трех часов, но и, по-видимому, имел разногласия по ней.

Очевидно, рождение Коминтерна интересовало и волновало не только верхушку партии и горстку международных социалистов, но и массу партийных активистов по всей стране. Почему их занимал Третий интернационал при наличии более насущных проблем? И почему его идея была воспринята как что-то ожидаемое и естественное? Ответ на эти вопросы лежит в дискурсе Третьего интернационала начиная с 1917 г.

Нет нужды напоминать предысторию движения за новый Интернационал, идея которого как Третьего интернационала была высказана Лениным еще в ноябре 1914 г. [Ленин, 1969а, 1969б]. Важно подчеркнуть, что лозунг нового Интернационала – как контрапункт к социал-демократическому, Второму, интернационалу, потерпевшему крушение из-за решения вопроса о поддержке войны, – стал элементом массовой политики вскоре после Февральской революции. Лозунг Третьего интернационала вместе с другими атрибутами революционного движения вследствие Февральской революции перешел из подполья в массовый политический дискурс². В качестве лозунга он присутствовал в агитации всего левого, антивоенного, политического спектра, но чаще всего использовался большевиками. Приведем характерную цитату из статьи «Великий день», опубликованной в большевистской «Правде» вскоре после свержения царизма:

«Революция освободит Женщину-Работницу от горя и ужасов войны. Революция возродит с небывалой силой братство рабочих всех стран, воссоздаст Интернационал.

Это будет Третий Интернационал. 23 февраля – Женский день – день русской революции, первый день Третьего Интернационала»³.

Кампания большевиков к первому легальному Первомаю в 1917 г. проводилась под лозунгом Третьего интернационала⁴, и московская организация большевиков даже напечатала листовки с популярным объяснением, что такое Третий интернационал и почему он нужен. После октябрьского взятия власти этот лозунг можно обнаружить как в прессе, так и в приветственных телеграммах и резолюциях, он использовался в качестве синонима борьбы за революцию и социализм без конкретной организационной подоплеки [Albert, 2017, S. 201–202]. Лозунг вошел в репертуар советской визуальной культуры. Так, сохранились знамена Красной армии 1918 г., на которых славится Третий интернационал еще до его организации [Соболева, 2006, с. 224]. Кроме того, в апреле 1918 г. левозерсовский журнал сообщал, что в Москве был создан Союз Рабочей Молодежи под названием «III Интернационал»⁵. В том же году в Одессе действовала подпольная молодежная организация под названием «Молодой революционный III Интернационал» – сокращенно «Моревинт». В 1918 г. началась «интернационализация» топонимов: так, для Российского телеграфного агентства было важно подчеркнуть, что в Воронеже Троцкий выступал на площади «3-й Интернационал»⁶.

Почему такой абстрактный концепт как Третий интернационал, еще не подкрепленный никаким организационным починком, получил такую популярность не только среди членов верхушки власти, своим жизненным путем связанных с международным рабочим движением, но и среди рядовых активистов? Один из возможных ответов заключается в том, что уже в 1917 г. понятие «интернационал», перенятое новыми когортами партии из репертуара агитации и пропаганды левых интернационалистских партий, наполнялось иными смыслами, в том числе антивоенными. Например, упомянутый Голубев вступил в РСДРП в мае 1917 г., и в том же месяце писал в своем дневнике по свежим впечатлениям: «Наше братское предложение всей Европе – интернационал, лозунг любви и братства, жизнь социальная на демократических началах» [Голубев, 2002, с. 69]. Примерно в то же время студент Михаил Воронков, только что вступивший в партию, отмечал в дневнике: «Наука – интернациональна, капитал – интернационален, а для добра нет интернационала?» [Воронков, 2013, с. 88]. Для таких низовых активистов, политизированных в условиях войны и революции, лозунг «интернационала» воплощал в себе именно своеобразный «интернационал добра» – как антитезис национальному угару войны.

Эти представления активно поддерживались партийной прессой. Уже в начале 1918 г. венгерский коммунист Бела Кун писал в «Правде» об «Интернационале будущего». Описывая историю и крах Первого и Второго интернационалов, Кун рисует Третий интернационал не просто как новую организацию международного социализма, а как своеобразное мировое правительство, провозглашающее «всемирную диктатуру пролетариата» и «федеративную советскую республику пролетариата всех стран»⁷.

Отголоски этих представлений о будущем Интернационале обнаруживаются в приветственных и поздравительных телеграммах и резолюциях, направляемых из провинции в центр в 1918 г. по многочисленным поводам. В них предвкушали «приближающийся триумф 3-го Интернационала» или, скорее, единство мирового пролетариата благодаря «последнему

Интернационалу»; речь шла об «Интернационале социалистических республик» и о создании «мирового совета»⁸.

Многие из указанных посланий были написаны в бесхитростной манере. Так, в октябре 1918 г. коммунисты пехотной дивизии из Тамбова в телеграмме Троцкому предварили здравницу в честь создания III Интернационала словами: «...Поздравляем с приближающейся всемирной революцией»⁹. Ожидания грядущих перемен находили выражение и в простонародных, и в более замысловатых стилистических формах.

Исследователи давно отметили присутствие религиозной метафоры в политическом языке революции¹⁰. Например, к первой годовщине Октябрьской революции составители телеграммы, направленной от имени Первого съезда коммунистов-мусульман VI Всероссийском съезду советов, писали: «Недалеко то время, когда кормчие Российской Советской Республики корабль пролетарской революции “Советы рабочих и крестьянских депутатов” превратят в мировой ковчег Интернационала»¹¹. В условиях революции подобные эсхатологические метафоры не были редкостью.

Когда 5 марта 1919 г. советская пресса объявила об учреждении Третьего интернационала, эта новость произвела большое впечатление на активистов, но никак не удивила их и не нуждалась в объяснениях – в конце концов, к новому Интернационалу призывали уже больше двух лет. Это наталкивает на мысль о том, что скорым созывом учредительного конгресса Коминтерна большевики не только преследовали стратегические цели в мировом масштабе, но и выполнили обещание, данное своим последователям в стране. Конечно, сказанное не противоречит тому факту, что большевики пропагандировали знаменательное событие 5 марта. В честь него день 7 марта был объявлен праздничным, с военным парадом на Красной площади и митингом в районах Москвы¹². В «Известиях» была опубликована статья Александры Коллонтай, разъясняющая смысл «Дня работниц» 8 марта в связи с созданием Интернационала¹³. Упомянутый ранее Голиков был впечатлен торжественным заседанием Петроградского совета, состоявшимся 10 марта: «Нам будут завидовать потомки: мы были свидетелями и хоть небольшими, а все-таки участниками создания 3-го Интернационала» [Голиков, 1959, с. 164]. Были приняты и меры приказного характера. Например, Троцкий издал приказ по армии и флоту огласить текст «привета», составленного делегатами конгресса, к Красной армии¹⁴.

Приветствия из провинции

Актеры, существовавшие в пространстве советской политической коммуникации, продемонстрировали готовность «проработать» известия о долгожданном событии. Об этом можно судить по текстам самых ранних приветствий в адрес конгресса. Так, уже 6 марта 1919 г., за три дня до упомянутого приказа Троцкого, политический отдел одного из запасных батальонов Уральского военного округа высказался от лица красноармейцев о том, что они, «получив радостную и неожиданную весть об открытии III-го интернационала», шлют привет и выражают уверенность, что «пролетариат всего мира не спит и скоро протянет пролетариату мозолистую руку и крепко сожмет, от которого лопнет опора капитализма всего мира» и что «от радостной вести забилось сердце каждого красного бойца, и мы... клянемся идти на защиту III-го Интернационала и смести капитал всего мира»¹⁵. Красная армия также могла стать адресатом послания, в котором выражалась бы надежда на то, что «тысячи рабочих и крестьян утвердят III Интернационал»¹⁶.

Информация об «открытии» Коминтерна дошла до самых разных адресатов. Некоторые из них инструментализировали повод в своих интересах. Например, заключенные тюрьмы во Владимире, политические и уголовные, в своей приветственной телеграмме попросили «облегчения своей участи», т.е. амнистии, ссылаясь на лозунг «полного освобождения человечества от всяких мер порабощения, каковым является для нас тюрьма»¹⁷. Этот случай можно рассматривать в качестве казуса, однако заключенные уловили символическое значение события, увидев место своего случая в контексте других случаев «праздничной» амнистии – 1 мая и 7 ноября.

Не следует сомневаться в том, что инициатива написания приветственных резолюций имела местное происхождение и не была следствием директивных указаний центра. 8 марта, в Международных день женщин, активистки профсоюза швей провинциального города Калуга

сочли необходимым поприветствовать Третий интернационал, назвав его следующим образом: «меч пролетариата, который срубит голову гидры капитала и раскрепостит женщину-пролетарку всего мира»¹⁸. Такой наивный стиль указывает на «низовое» происхождение приветствия. Составление и принятие резолюций и телеграмм были «активистскими» практиками и отражали в основном настроения не социальных групп, от лица которых эти документы декларировались, а сочинителей этих текстов – политически активных граждан, активистов и функционеров. Тем не менее это были голоса низовых активистов, составляющих резолюции так, как им казалось правильно, а не по шаблонам, установленным «наверху» [Albert, 2017, S. 234–256].

Для понимания контекста политической коммуникации вокруг Коминтерна важно учитывать, что помимо празднования 8 марта в середине месяца проходили памятные мероприятия, посвященные второй годовщине свержения царизма. Например, 15 марта, в день празднования этого события, в селе Дерябкино (Тамбовская губерния) состоялся митинг и от лица 250 «граждан» было направлено приветствие Коминтерну¹⁹. В откликах на смерть председателя ВЦИК Якова Свердлова также звучали здравицы в честь Коминтерна²⁰. Когда в середине марта в Петрограде произошли рабочие волнения, которые большевистской прессой были названы «левоэсеровской авантюрой», в пробольшевистских резолюциях звучал мотив «Да здравствует III Интернационал»²¹. Важно, что «Третий интернационал» был в числе главных лозунгов Партии левых эсеров, даже называвших себя «интернационалистами», причем самые непримиримые из их числа в своей антибольшевистской пропаганде называли Коминтерн «маской» и «Лже-Мессией» [Партия левых..., 2017, с. 434], одновременно подтверждая верность «настоящему» Интернационалу.

Во многих случаях авторы адресовали свои приветствия и пожелания «вождям» Интернационала. Так, съезд крестьянских депутатов, состоявшийся, по-видимому, в селе Половецкое, «единогласно постановил: приветствовать вождей пролетариата всего мира, собравшихся в первой Свободной стране – нашей Советской Республике и горячо пожелать Вам довести это поистине благое дело освобождения пролетариата всех стран света до желаемого конца. Помните, товарищи, что сотни миллионов униженных и обездоленных меньших братьев Ваших – смотрят на Вас с великой надеждой и чаянием своего избавления от вечного рабства – ибо Вы одни можете выполнить эту великую задачу»²². На «местное» происхождение этой резолюции указывает несвойственная официальному большевистскому дискурсу гиперболизация роли вождей. В резолюции объединенного торжественного заседания в Воронеже подчеркивалось: «На вас, вожди мирового пролетариата, обращены взоры всех измученных обезличенных (!) вековым произволом капитала»²³. Естественно, нередко в текстах звучала – в противовес «истинному» Интернационалу – критика в адрес Социалистического, или Бернского, Интернационала и его «ложных» вождей.

Иногда риторика приветствий как бы предвосхищала будущую «большевизацию» партий Коминтерна. Так, приветствие собрания рабочих провинциального сахарного завода содержало призыв: «Да здравствует коммунистическая партия большевиков всего мира»²⁴. Эта своеобразная интериоризация дискурса об Интернационале касалась большевистских вождей. В городе Буй Костромской губернии бы устроен митинг в честь Коминтерна, на котором была принята резолюция в которой признавалась правильность политики российской Коммунистической партии²⁵. В приветственной телеграмме конференции работников артиллерийских складов и мастерских Приволжского военного комиссариата вслед за здравицей в честь обсуждаемого события был упомянут «Совет народных комиссаров в лице товарищей Ленина и Троцкого и других вождей, борющихся за освобождение пролетариата всего мира от ига капитала»²⁶. Общее собрание коммунистов города Твери по случаю чествования Коминтерна адресовало свой привет Всероссийскому центральному исполнительному комитету, Центральному комитету партии большевиков и – отчетливо выделив это в тексте – «вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину»²⁷.

Здравицы в честь Ленина встречались чаще других, что свидетельствовало о складывании культа личности [Эннкер, 2011]. Уже в январе 1918 г., как видно из приветствия комиссара Красной гвардии из Витебска, Ленина называли в числе «героев-вождей», которые служили «путеводной звездой революционного Интернационала» [Товарищу Ленину..., 1969, с. 25]. «Да

здравствует пролетарский Интернационал, призываемый к новой жизни с помощью товарища Ленина!» — содержалась здравица в приветственной телеграмме съезда советов Липецкого уезда в июле 1918 г. [Там же, 1969, с. 34]. Собрание ответственных работников Ташкента, откликаясь на покушение на Ленина 31 августа, в своем приветствии сделало акцент на то, что Ленин являлся «творцом Третьего Интернационала» [Там же, 1969, с. 38]. Разумеется, не следует удивляться тому, что после марта 1919 г. подобный эпитет повторялся [Там же, 1967, с. 194]. Иногда Ленин именовался «председателем III Интернационала»²⁸. К сожалению, остается лишь догадываться, какой смысл вкладывали в слово «председатель» провинциальные активисты, в данном случае члены исполкома Переславль-Залесского, ведь эту должность занял Зиновьев²⁹. Но уместно предположить, что образы Коминтерна и Ленина часто представлялись в единстве.

Тексты резолюций в честь нового Интернационала нередко были наполнены возвышенными ожиданиями предшествующих лет, выраженными в квазирелигиозном языке. Так, в Вологде высказались в следующей манере: «...Этот исторический шаг является путеводной звездой для мирового пролетариата в деле... завершения мировой Социальной революции, которая приведет к полной победе над буржуазией и восстановит Царство Социализма на земле»³⁰. Переславский исполком живописал: «Позади море крови, горы трупов, миллионы страданий. Вперед в светлое царство мира, свободы и братства»³¹. Риторика в обоих приведенных текстах напоминала расхожие образы революционного плаката, например, в творчестве мастера аллегории Александра Апсита [*Бутник-Сиверский*, 1960, с. 191].

Бросается в глаза, что в большинстве случаев риторика резолюций и телеграмм, составленных провинциальными организациями, отличается от риторики текстов центральных органов власти, в частности, не копирует ее ни содержательно, ни стилистически³². Даже если приветствие исходило от съездов Советов, оно включало риторические обороты, отражавшие местную специфику, в первую очередь этноконфессиональную³³. Несмотря на встречающиеся клише и шаблоны, единый канон политического языка не существовал.

Заключение

Образ Коминтерна занял важное место в политической риторике. Так, он стал атрибутом культов вождей³³. Упоминание Коминтерна можно обнаружить в связи с самыми разнообразными поводами. Например, в том же марте 1919 г. Московский комитет Российского коммунистического союза молодежи направил приветствие VIII съезду РКП(б), которое завершалось словами: «...Миллионная рать молодых пролетариев сплошной стеной идет вслед за закаленными в борьбе коммунистами на защиту III Коммунистического Интернационала!»³⁵. Возможно, один из самых курьезных эпизодов относится к антибольшевистскому крестьянскому «мятежу» в Поволжье, вспыхнувшему в июле 1920 г. Лозунгами повстанцев были следующие: «...Да здравствует свобода торговли и советская власть без коммунистов, да здравствует рабоче-крестьянская власть, III Коммунистический Интернационал, свободная торговля, мы против коммунистов, комиссаров, против продразверстки, мы за Ленина и 3-й Коминтерн...»³⁶.

Второй конгресс Коминтерна, состоявшийся летом 1920 г., уже был предметом гораздо более скоординированной пропагандистской кампании, направляемой партийными органами. Политическая коммуникация стала более интенсифицированной, что проявилось в тысячах резолюций и приветственных посланий в адрес Коминтерна и других институций, а также их вождей. Как и в 1919 г., этому способствовали инициатива с мест, искренний энтузиазм. Вместе с тем происходила и постепенная рутинизация указанных практик, выражавшаяся в шаблонном копировании официальных риторических формул, в пресловутой «бюрократизации» и растущем политическом отчуждении. Примечательно, что издательство Коминтерна выпустило подборку приветственных телеграмм на случай организации Второго конгресса Коминтерна отдельным сборником [*Приветствия...*, 1920], причем в отличие других коминтерновских публикаций исключительно на русском языке. Очевидно, издание предназначалось не для того, чтобы продемонстрировать иностранным коммунистам преданность советских граждан идеалам мировой революции, а для того, чтобы показать советским авторам приветствий, какие из них являются желаемыми.

Антибольшевистские политики обычно называли Коминтерн простым орудием в руках большевистской диктатуры. Однако, как показывают приведенные примеры, для рядовых сто-

ронников нового режима он символизировал нечто большее: для них 1919 год стал «временем Коминтерна» — временем не только ожидания, но и подчас даже переживания мировой революции. Вера в ее наступление и разочарование в ее отступлении и завершении должны стать предметом внимания историков Российской революции.

Примечания

¹ Впервые: Бабель И. Из книги «Конармия» // Красная новь. 1924. № 3. С. 19.

² Ср. [Колоницкий, 2001].

³ Великий день // Правда. 1917. 7 (20) марта.

⁴ Пролетарский праздник // Правда. 1917. 1 мая (18 апреля). На первомайских демонстрациях как в центре, так и в провинциях были плакаты с соответствующими лозунгами [Sanders, 1989, с. 132, 136–37; Нарский, 2001, ил. IV].

⁵ Революционная работница. 1918. № 3. С. 15.

⁶ Известия. 1918. 9 окт.

⁷ Кун Б. Интернационал будущего // Правда. 1918. 3 февр.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 318 (Иренъев, член Военной инспекции, в ВЦИК, 15 ноября 1918); Д. 262. Л. 3 (Совет городских депутатов г. Сураша, Брянская губ., во ВЦИК, 21 ноября 1918); Д. 8. Л. 8–9 (Участники торжественного заседания в Анненском уезде, Южный фронт, в ВЦИК, 28 ноября 1918); Д. 2. Л. 77–78 (Участники конференции учителей в г. Николаевск в СНК, 22 июля 1918); Д. 7. Л. 84 (Телеграмма Ленину с желаниями о выздоровлении, конец 1918).

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18. Л. 261 (машинописная копия без даты).

¹⁰ См. [Политизация языка..., 2018].

¹¹ Цит. по [Годунов, 2018, 444].

¹² Известия. 1919. 7 марта. Восприятие таких мероприятий наблюдателями, скептически относящимися к новому режиму, составляет отдельный, скрытый пласт советского дискурса Коминтерна, который ждет отдельного исследования. В качестве примера можно привести запись в дневнике московского историка Ю.В. Готье: «Внешних проявлений радости от 3-го Интернационала я не видал» [Готье, 1997, с. 267–268].

¹³ Коллонтай А. Значение «дня работниц» // Известия. 1919. 7 марта.

¹⁴ Известия. 1919. 11 марта.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 488. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 126. Л. 83 (Телеграмма председателя Третьего Медынского уездного съезда советов 8 март 1919 г.).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 22.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 126. Л. 156.

²¹ Петроградская правда. 1919. 18 марта.

²² РГАСПИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же. Л. 27.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Показательно, что петроградская «Красная газета» в передовой статье, посвященной Анжелике Балабановой (бывшей одно время секретарем ИККИ), представила ее как «председательницу Интернациональной циммервальдской комиссии, этого славного зародыша третьего... Интернационала», а закончила статью словами: «Да здравствует же новый, третий коммунистический интернационал! Привет его председательнице тов. Анжелике Балабановой!» (Привет почетному гостю // Красная газета. 1918. 27 сент.).

³⁰ РГАСПИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 15. Л. 19.

³¹ Там же. Л. 20.

³² См., например, резолюцию объединенного заседания ВЦИК, Моссовета, МК РКП(б) и др. (Известия. 1919. 7 марта).

³³ См., например, приветствие III Интернационалу от 7-го Чрезвычайного съезда Советов Туркестана (Известия. 1919. 18 марта) [В. И. Ленин..., 1967, с. 195].

³⁴ Любопытно, что схожие по смыслу формулы приветствий были отмечены в текстах как из Украины, так и из глубокой сибирской провинции: [Трудящиеся Украины..., 1960; Трудящиеся Сибири..., 1977].

³⁵ Известия. 1919. 20 марта.

³⁶ Цит. по [Кондрашин, 2009, с. 200].

Библиографический список

- Albert G. J.* Das Charisma der Weltrevolution. Revolutionärer Internationalismus in der frühen Sowjetgesellschaft 1917-1927. Köln: Böhlau Verlag, 2017. 631 S.
- Albert G.J.* «Esteemed Comintern!»: The Communist International and World-Revolutionary Charisma in Early Soviet Society // Twentieth Century Communism. № 8. 2015. P. 10–39.
- Albert G.J.* Think Tank, Publisher, Symbol. The Comintern in the Early Soviet Media Landscape // International Newsletter of Communist Studies Online. 2011. № 17 (24). P. 110–19.
- Broué P.* Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943. Paris: Fayard, 1997. 1030 p.
- Hedeler W., Vatlin A.* Wer gründete die Komintern? Zur Geschichte einer Fotografie // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 2008. S. 1–8.
- McDermott K., Agnew J.* The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke: Macmillan, 1996. 336 p.
- Sanders J.E.* Russia 1917. The Unpublished Revolution. New York: Abbeville, 1989. 260 p.
- Studer B.* The Transnational World of the Cominternians. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 227 p.
- Velikanova O.* Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 251 p.
- Баберовски Й.* Красный террор. История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. 278 с.
- Байерляйн Б.* «Предатель — ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил, М.: РОССПЭН, 2011. 680 с.
- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
- Бутник-Сиверский Б.С.* Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918–1921. М.: Всес. кн. палата, 1960. 696 с.
- Ватлин А.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
- В. И. Ленин – друг народов Востока: Сб. док. и матер. 1917–1924 гг. Кн. 1. (1917–1920 гг.) / сост. П.А. Азибеков. Баку: Изд-во АН АзССР, 1967. 423 с.
- Воронков М. И.* Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания и статьи (1911–1941). Рязань: П. А. Трибунский, 2013. 682 с.
- Годунов К.В.* Празднование первой годовщины Октября и ожидания мировой революции // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 441–448.
- Голиков Ф.И.* Красные орлы (Из дневников 1918-1920 гг.). М.: Воениздат, 1959. 328 с.
- Голубев И.* «Счастье мое...»: Дневники Иосифа Голубева, 1916–1923 гг. Минск: Энциклопедикс, 2002. 442 с.
- Готье Ю.В.* Мои заметки. М.: Терра, 1997. 589 с.
- История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Док. очерки / ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. 412 с.
- Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.
- Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.
- Ленин В.И.* Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969а. Т. 26. С. 13–23.
- Ленин В.И.* Положение и задачи социалистического Интернационала. 19 октября (1 ноября) 1914 г. // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969б. Т. 26. С. 19–24.
- Мухаматулин Т.А.* «Испании нужно свое ЧК»: Советское общество и гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) в «письмах во власть» // Исторический ежегодник (Новосибирск). 2013. № 7. С. 33–43.

- Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.
- Партия левых социалистов-революционеров: Док. и матер. 1917–1925 гг.: В 3 т. Т. 2, ч. 3. Октябрь 1918 – март 1919 г. М., 2017. 892 с.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / Г.М. Адиебеков и др. М.: РОССПЭН, 2004. 958 с.
- Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны: Сб. статей / ред. Б.И. Колоницкий. СПб.: Лики России, 2018. 176 с.
- Приветствия Второму конгрессу III Коммунистического интернационала. М.: Изд-во Ком. Интернационала, 1920. 107 с.
- Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006. 487 с.
- Товарищу Ленину: Письма трудящихся В.И. Ленину. 1917–1924. 2-е изд., доп. / сост. В.В. Аникеев и др. М.: Политиздат, 1969. 528 с.
- Трудящиеся Сибири – В. И. Ленину: Сб. док. и матер. / сост. В.С. Познанский. М.: Наука, 1977. 367 с.
- Трудящиеся Украины В. И. Ленину: Сб. док. / сост. Ю.В. Бабко и др. Киев: Гос. изд-во. полит. лит. УССР, 1960. 372 с.
- Фирсов Ф.И.* Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М.: Аиро–XXI; Крафт+, 2007. 576 с.
- Харин А.Н.* Внешняя политика советского правительства в восприятии руководства и населения Вятской губернии. 1917–1925 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук, 2000. 173 с.
- Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.08.2019

THE FOUNDATION OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL IN SOVIET POLITICAL COMMUNICATION, 1917-1919

G. Yu. Albert

University of Zurich, Rämistrasse 71, 8006, Zürich, Switzerland
gleb.albert@uzh.ch

A. V. Reznik

National Research University “Higher School of Economics”, Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
areznik@hse.ru

The foundation of the Communist International (Comintern) in March 1919, as well as its first years, have been predominantly analysed from the perspective of political and organisational history. The foundation of the Comintern in Moscow and its initiation by the Bolsheviks is the common starting point in the history of the “Bolshevisation” of international communism. In the article, the authors propose a different analytical angle on the Comintern’s foundation period. Using contemporary sources such as diaries, greeting telegrams, and the press, they attempt to reconstruct the impact of the Comintern on its host country, Soviet Russia, and its society. The authors show that the discourse of a “Third International” was older than 1919 and played a role not only in top-down agitprop, but also in the aspirations of rank and file activists, who could attach individual meanings to this vague concept. Thus, the foundation of the Comintern by the Bolsheviks was not just aimed at the international revolutionary movement, but also was an important symbolic gesture directed at their supporters within Soviet Russia. Furthermore, by looking at the rank and file Bolshevik discourse around the Comintern’s foundation in 1919, one can see how popular political rhetoric in the early Soviet state had yet to stabilize itself – which was not just a top-down process.

Key words: Internationalism, Communist International, Russian Revolution, Bolshevism, Lenin, political communication.

References

Adibekov, G.M. (ed.) (2004), *Politbyuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Komintern. 1919–1943 gg. Dokumenty* [The Politburo of the CC of the RCP(b)-VCP(b) and the Comintern, 1919–1943. Documents], ROSSPEN, Moscow, Russia, 958 p.

- Albert, G. J. (2017), *Das Charisma der Weltrevolution. Revolutionärer Internationalismus in der frühen Sowjetgesellschaft 1917-1927*, Böhlau Verlag, Köln, Germany, p. 631.
- Albert, G.J. (2011), "Think Tank, Publisher, Symbol. The Comintern in the Early Soviet Media Landscape", *International Newsletter of Communist Studies Online*, № 17 (24), pp. 110–19.
- Albert, G.J. (2015), "'Esteemed Comintern!': The Communist International and World-Revolutionary Charisma in Early Soviet Society", *Twentieth Century Communism*, № 8, pp. 10–39.
- Anikeev, V.V. (ed.) (1969), *Tovarishchu Leninu: Pis'ma trudyashchikhsya V.I. Leninu. 1917–1924* [To comrade Lenin. Letters of the Toilers to V.I. Lenin, 1917–1924], Politizdat, Moscow, USSR, 528 p.
- Azibekov, P.A. (ed.) (1967), *V. I. Lenin — drug narodov Vostoka. 1917-1924 gg. Kn. 1. (1917–1920 gg.)* [V.I. Lenin – A Friend of the Peoples of the East, 1917–1921. Vol. 1 (1917-1920)], Izd. AN AzSSR, Baku, USSR, 423 p.
- Baberovskiy, I. (2007), *Krasnyy terror. Istoriya stalinizma* [The Red Terror. History of Stalinism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 278 p.
- Babko, Yu. V., (1960), *Trudyashchiesya Ukrainy V. I. Leninu* [The Toilers of Ukraine – to V.I. Lenin], Gos. izd-vo. polit. lit-ry USSR, Kiev, USSR, 372 p.
- Baierlyain, B. (ed.) (2011), "*Predatel' – ty, Stalin!*" *Komintern i kommunisticheskie partii v nachale Vtoroy mirovoy voyny (1939-1941): utrachennaya solidarnost' levyykh sil* ["The Traitor Are Thou, Stalin!" The Comintern and Communist Parties in the Beginning of World War II (1939–1941). The Lost Solidarity of the Left], ROSSPEN, Moscow, Russia, 680 p.
- Broué, P. (1997), *Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943*, Fayard, Paris, France, 1030 p.
- Buldakov, V.P. (2010), *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Turmoil. The Nature and the Consequences of Revolutionary Violence], ROSSPEN, Moscow, Russia, 967 p.
- Butnik-Siverskiy, B.S. (1960), *Sovetskiy plakat epokhi grazhdanskoi voiny. 1918–1921* [The Soviet Poster of the Civil War Epoch, 1918–1921], Vsesoyuznaya knizhnaya palata, Moscow, USSR, 696 p.
- Chubar'yan, A.O., (ed.) (2002), *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919-1943. Dokumental'nye ocherki* [History of the Communist International, 1919-1943. Documentary Sketches], Nauka, Moscow, Russia, 412 p.
- Ennker, B. (2011), *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [The Formation of the Lin Cult in the Soviet Union], ROSSPEN, Moscow, Russia, 438 p.
- Firsov, F.I. (2007), *Sekretnye kody istorii Kominterna 1919–1943* [Secret Codes of Comintern History, 1919–1943], Airo–XXI; Kraft+, Moscow, Russia, 576 p.
- Godunov, K.V. (2018), "The Celebrations of the First Anniversary of October and Expectations of World Revolution", *Noveyshaya istoriya Rossii*, Vol. 8., № 2, pp. 441–448.
- Golikov, F.I. (1959), *Krasnye orly: (Iz dnevnikov 1918–1920 gg.)* [Red Eagles. From the Diaries, 1918–1920], Voensizdat, Moscow, USSR, 328 p.
- Golubev, I. (2002), "*Schast'e moe...*": *dnevniki Iosifa Golubeva, 1916–1923 gg.* ["My Luck..."] The Diaries of Iosif Golubev, 1916-1923], Entsiklopediks, Minsk, Belarus, 442 p.
- Got'e, Yu. V. (1997), *Moi zametki* [My Notes], Terra, Moscow, Russia, 589 p.
- Hedeler, W. & A. Vatlin (2000), "Wer gründete die Komintern? Zur Geschichte einer Fotografie", *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*, pp. 1–8.
- Kharin, A.N. (2000), *Vneshnyaya politika sovetskogo pravitel'stva v vospriyatii rukovodstva i naseleniya Vyatskoy gubernii. 1917-1925 gg.* [Foreign Policy of the Soviet Government in the Eyes of the Leadership and the Population of the Viatka Guberniia, 1917-1925], PhD dissertation, Vyatka State Pedagogical University, 173 p.
- Kolonitskiy, B.I. (2012), *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kultury rossiiskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power. On Researching the Political Culture of the 1917 Russian Revolution], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 318 p.
- Kolonitskiy, B.I. (ed.) (2018), *Politizatsiya yazyka religii i sakralizatsiya yazyka politiki vo vremya revolyutsii i grazhdanskoi voiny* [Politisisation of the Language of Religion and Sacralisation of the Language of Politics in Revolution and Civil War], Liki Rossii, St. Petersburg, Russia, p. 178.
- Kondrashin, V. V. (2009), *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voine: k voprosu ob istokakh stalinizma* [Russian Peasantry in the Civil War. On the Question of the Roots of Stalinism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 574 p.
- Lenin, V.I. (1914), "Situation and Tasks of the Socialist International", in Lenin, V.I. (1969), *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], Vol. 26, Politizdat, Moscow, USSR, pp. 19–24.
- Lenin, V.I. (1914), "The War and Russian Social Democracy", in Lenin, V.I. (1969), *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], Vol. 26, Politizdat, Moscow, USSR, pp. 13–23.
- McDermott, K. & J. Agnew (1996), *The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin*, Macmillan, Basingstoke, UK, 336 p.
- Mukhamatulina, T.A. (2013), "'Spain Needs Its Own Cheka". Soviet Society and the Spanish Civil War, 1936-1939", *Istoricheskiy ezhegodnik (Novosibirsk)*, № 7, pp. 33-43.

- Narskiy, I. (2001), *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917-1922* [Living in the Catastrophy. Everyday Life in the Urals, 1917-1922], ROSSPEN, Moscow, Russia, 613 p.
- Poznanskiy, V.S. (1977), *Trudyashchiesya Sibiri — V. I. Leninu* [The Toilers of Siberia – to V.I. Lenin], Nauka, Moscow, USSR, 367 p.
- Privetstviya Vtoromu kongressu III Kommunisticheskogo internationala* (1920) [Greeting Addresses to the Second Congress of the Third International], Izd-vo Kommunisticheskogo Internatsionala, Moscow, RSFSR, p. 107.
- Sanders, J. (ed.) (1989), *Russia 1917. The Unpublished Revolution*, Abbeville, New York, USA, 260 p.
- Soboleva, N.A. (2006), *Ocherki istorii rossiiskoi simboliki. Ot tamgi do simbolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Historical Outline of Russian Symbols. From the Tamga to the Symbols of State Souverenity], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, 487 p.
- Sorokin A.V. (ed.) (2017), *Partiya levyykh sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy. 1917–1925 gg.: v 3 t. T. 2. Ch. 3. Oktyabr' 1918 – mart 1919 g.* [The Party of the Left Socialist Revolutionaries. Documents and Materials], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 892 p.
- Studer, B. (2015), *The Transnational World of the Cominternians*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, 227 p.
- Vatlin, A. (2009), *Komintern: idei, resheniya, sud'by* [The Comintern. Ideas, Decisions, Fates], ROSSPEN, Moscow, Russia, 374 p.
- Velikanova, O. (2013), *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, 257 p.
- Voronkov, M. I. (2013), *Intelligent i epokha. Dnevnik, vospominaniya i stat'i (1911–1941)* [An intellectual and his epoch: diaries, memoirs, and essays (1911-1941)], Chastnyi izdatel' P. A. Tribunskiy, Ryazan', Russia, 682 p.